

А. С. Колесников*

**АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ
НА РОССИЙСКОЙ СЦЕНЕ.
РЕФЛЕКСИЯ И РАЗВИТИЕ. (1957—Н/В)****

В статье представлен анализ рефлексии и развития концепций и идей аналитической философии на российской сцене с 50-х гг. XX в. до настоящего времени. Они характеризуются не только глубоким анализом аналитической философии и современного позитивизма, но положительной оценкой отдельных его наработок в сфере теории познания: проблем логики и математики, логических конструкций, «теоретико-познавательной нейтральности» неопозитивистов, теории чувственных данных; предмета философии как логического анализа языка; условий, необходимых для логически совершенного языка; проблем знака, значения и смысла, семантики и «теории описаний». Возможность передачи познавательного содержания науки в формализованных системах основана на гносеологических функциях знаков. Без совершенствования средства мышления — языка, создания новых терминов, новых языковых структур и т. п. — невозможен прогресс человеческого познания.

Ключевые слова: аналитическая философия, Витгенштейн, неопозитивизм, семантика, философия языка, Нарский, Козлова.

A. S. Kolesnikov
ANALYTICAL PHILOSOPHY ON THE RUSSIAN STAGE.
REFLECTION AND DEVELOPMENT. (1957—PRESENT)

The article presents an analysis the reflection and development of concepts and ideas of analytical philosophy on the Russian stage from the 50s of the twentieth century to the

---

* Колесников Анатолий Сергеевич — д-р филос. наук, проф.; kolesnikov1940@yandex.ru; Санкт-Петербургский государственный университет; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

Anatoly S. Kolesnikov — Dr. Philos. Sciences, Prof.; kolesnikov1940@yandex.ru; St. Petersburg State University; Russian Christian Humanitarian Academy named after F. M. Dostoevsky.

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24–28–00295, <https://rscf.ru/project/24-28-00295/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

present. They are characterized not only by a deep analysis of analytical philosophy and modern positivism, but by a positive assessment of some of its developments in the field of the theory of knowledge: problems of logic and mathematics, logical constructions, “theoretical-cognitive neutrality” of neopositivists, the theory of sensory data; the subject of philosophy as the logical analysis of language; conditions necessary for a logically perfect language; problems of sign, meaning and meaning, semantics and the “theory of descriptions”. The possibility of transmitting the cognitive content of science in formalized systems is based on the epistemological functions of signs. Without improving the means of thinking — language, creating new terms, new language structures, etc., the progress of human knowledge is impossible.

Keywords: analytical philosophy, Wittgenstein, neopositivism, semantics, philosophy of language, Narskiy, Kozlova.

В 50-х гг. восприятие аналитической философии вышло на новый этап. Стали появляться работы с глубоким анализом современного позитивизма, притом всего комплекса поднимаемых им проблем, положительной оценки его наработок и развития их на отечественной почве. Включились в эту работу не только логики, математики, философы, но и физики, психологи, гуманитарии широкого профиля. Примером может служить статья С. Л. Рубинштейна в «Вопросах философии» (1957), касающаяся анализа неореализма с разбором *The Analysis of Mind* (1921) и *The Analysis of Matter* (1924) Рассела. Это две части одного решения проблемы, связанной со стремлением свести психическое к физическому, и обоснование того, как материя превращается в логическую конструкцию.

В 1957 г. издаются очерки по современному субъективному идеализму, в которых отмечают выступление аналитиков против «метафизики», эклектизм философии, которая рассматривает вопрос о природе реальности, независимой от ощущений и восприятий человека. Аналитики обрабатывают на свой лад данные современной математики, логики и языкознания, физики и психологии, объявляют понятие «нейтрального события» основой мира. Кроме того, искажение неопозитивизмом вопросов логики раскрыл Д. П. Горский, идеалистической сущности семантической философии посвятил свой текст Г. А. Брутян, связи позитивизма с физикой — Т. Н. Горнштейн. Заметим, что критический характер анализа никак не способствовал адекватности интерпретаций.

Философский ракурс неопозитивизма, представленный И. С. Нарским, стал неким клише на долгие годы. В центре — борьба против философии материализма, стремление неопозитивизма окружить себя ореолом «научности» [16, с. 140–141]. Даются источники и этапы развития неопозитивизма: от Юма и Канта, до неопозитивизма Шлика, Карнапа, Нейрата с «Венским кружком» и влиянием Б. Рассела и Л. Витгенштейна на его позиции. После логико-математических экскурсов и краткого описания «Трактата» Витгенштейна с его заявлением, что «философия есть не учение, а деятельность» и логическое упорядочивание мыслей, рассматривается проблема реальности — «Мир есть совокупность фактов, а не вещей». Карнап призывает считать факты чисто языковыми (логическими) явлениями. Нарский отмечает, что ориентация на факты языка требует перехода в сферу трансцендентального, принципиального изменения познавательной установки. Смысл философской деятель-

ности в описании, в анализе языковой структуры. Факты языка невозможно объяснить, опираясь на факты мира, поскольку сам мир дан исключительно в языке. Дешифровка языка основывается на системе неявных допущений, принимаемых в той или иной теории познания.

Рассел определяет мир «как результат логических конструкций». Элементы их меняются (точки пространства и времени, «события», — это те же «факты», только иначе названные). Ученые конструируют действительность, совершаемую над «атомарными предложениями», которые «суть простые предложения в логике». Если у Рассела термины и предложения — логические конструкции из чувственных данных, то Карнап предлагал употребление терминов, «для которых могут быть сконструированы логически возможные соответствующие чувственные данные». Нарский замечает, что в сближении объёмов «мира логики» и мира чувственного опыта, как и в расширении первого мира по отношению ко второму, имеется некоторый *рациональный* смысл. В этом сближении отражается факт познаваемости реальности при помощи логических средств, а их расхождение — «отсутствие непосредственного чувственного эквивалента для многих научных абстракций, как и отсутствие непосредственного абстрактного эквивалента для содержания наших ощущений» [16, с. 165]. В этом случае неопозитивисты представляют действительность как конструкцию субъекта из своих средств, что не отражает объективных связей по содержанию и объёму несравненно более богатых, чем любое логическое их отражение в голове субъекта.

Нарский ссылается на Крафта, Шлика, Франка, последователей «Венского кружка», Рейхенбаха, Айера, которые не видят отражение объективной действительности в форме мысли. И дело не в том, что мышление понимается как субъективный процесс, а в том, что «отрицается объективный характер содержания мыслительных процессов» [16, с. 169]. Карнап ищет реальную первооснову мира и науки в «лично-психических переживаниях», из которых посредством их математико-лингвистической обработки пытался дедуктивно построить умозрительную конструкцию физических и духовных процессов, сводя физические предметы к психическим. Так и Айер подменяет объективную первооснову мира субъективной, хотя и он, и Рейхенбах выступали с заявлениями о том, что «возможно» существование вещей вне нас: «Но эти заявления не были доведены до признания правильности позиции философского материализма» [16, с. 175]. Анализируя когнитивную «нейтральность» неопозитивистов, вытекающую из отсутствия устойчивого «абсолютного познания вне логических тавтологий», фиксируется, что чувственный опыт изменчив, логические тавтологии неустойчивы, ибо зависят от логической системы, условно принятых аксиом и правил следования [16, с. 181].

Статья Г. А. Брутяна касается истории термина семантика, развития семантических идей у ряда мыслителей и теорий общей семантики Карнапа и Кожибского, Морриса и Чейза. Гносеологическая причина отрицания познавательного значения абстрактного мышления кроется в преувеличении субъективного момента в значении слова, как и «в непонимании диалектического единства чувственного и логического, представления и понятия в процессе познания» [16 с. 317]. «Тезис о неопределённом содержании слов является

релятивистским и ведёт к субъективному идеализму» [16, с. 320]. Кроме «обличительных» суждений, позитивная суть статьи в показе роли семантики в процессе познания, в решении проблемы взаимосвязи языка и мышления. Эти взгляды — введение к солидному анализу семантики Л. О. Резниковым [15], который рассмотрел роль формальных знаковых систем в развитии научного познания (прежде всего в логике и математике). Автор раскрывает определенность знаковых систем задачами познания объективной действительности, показывает их относительную независимость и важнейшие функции в процессе формализации научного знания.

Статья Д. П. Горского представляет историю становления логико-позитивистской теории познания и утверждений о том, что «метод «логического анализа» является методом субъективистских конструкций. Позитивное в работе — это выявление сущности парадоксов в математике, вопросов логики и лингвистических методов у Л. Витгенштейна [16, с. 234–249], синтаксических и семантических методов построения логики Карнапом [16, с. 249–274]. Автор показывает, что математическая логика на основе обобщения и уточнения работ логиков и математиков вскрыла ряд парадоксов, разрешение которых путём «логически непротиворечивого исчисления» («теории типов»), вело «к отказу от ряда важных математических результатов». Известно, что в 30-е гг. была доказана неосуществимость проекта создания формализованных систем типа РМ. Геделевская работа подорвала слепую веру в аксиоматический метод и формализацию. Возможность достоверного знания Рассел связывал с универсалиями: «законы логики могут быть истолкованы <...> как идеальные сущности, каким-то образом существующие объективно и являющиеся условиями нашего опыта» [16, с. 231]. С позиции «чистого» эмпиризма законы логики — это общие связи между данными непосредственного опыта. Он и законы логики выступают как первично данные. Окружающий мир — это конструкция, создаваемая нами в процессе логической обработки чувственных данных нашего опыта. Вывод: «Метод “логического анализа” является глубоко реакционным, тормозящим развитие научного знания именно потому, что он является методом субъективистских конструкций» [16, с. 233].

У А. Д. Гетмановой другая позиция. Идеалисты пытаются доказать, что математические истины по самому своему существу — истины *общечеловеческого* характера, не говорящие ничего о вещах или об отношениях вещей окружающего нас мира. «Эти попытки Лейбница были возобновлены в наше время в философской школе логицизма» [5, с. 104], говорящей о возможности сведения математики к логике. Г. Фреге в работе «Исчисление понятия» (1879) сводит значительную часть арифметики к логике посредством математизации логики. Рассел в 1900 г. обнаружил противоречивость его системы и в РМ предпринял попытки исправления системы Фреге с помощью «теории типов». Несмотря на её очевидную важность, предложенный ими способ разрешения антиномий и логического обоснования арифметики не встретил одобрения. Рассел, как и Лейбниц, считает логику наукой априорной, истины которой верны во всех возможных мирах. Математика, по этой логике, тоже априорна. Так отождествляется математика и логика. «Чистая математика — совокупность

формальных выводов независимых от какого бы то ни было содержания». Так происходит отрыв формы от содержания, «стремление видеть в математических истинах — истины разума, не связанные с чувственным восприятием мира» [5, с. 109]. Правда, Гёдель показал, что «определение математических понятий в терминах “логики” только обнаруживает связи этих понятий с логикой, отнюдь не лишая их специфически математического характера» [5, с. 122]. На самом деле необходимо осознать диалектическую природу самих исходных понятий математики и логики.

Публикация «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна (1958) с введением Б. Рассела и предисловием В. Асмуса выступает двигателем интереса к концептуальным решениям аналитической философии. Да, первичным звеном все равно выступает логика. Асмус привязывает «Трактат» к истории логики, получающей все больше практическое применение. Но, «выделяясь из комплекса философских наук, логика не могла *начисто отделиться* от философии», когда «логические результаты выступали и выступают в ней в сращении с положениями теории познания». Это справедливо к таким областям логики, как семиотика и семантика. Пирс, Рассел, Карнап, Рейхенбах, Лукасевич «не только логики в своей философии, но и философы в своей логике» [8, с. 6]. Так и работа Витгенштейна совмещает логику и философию субъективного идеализма, демонстрируя несостоятельные гносеологические построения автора, сходные с теориями Венского кружка [8, с. 10].

Рассел отмечает широту и глубину принципов символизма и отношения между словами и вещами в любом языке, которые применяет Витгенштейн к разным разделам традиционной философии. Он заявляет: чтобы понять книгу Витгенштейна, следует осознать проблему, которая его занимает. Это логически совершенный язык, который в случае доведения анализа до логической завершенности будет «идеальным» языком, содержащим только простые знаки, значения которых нам непосредственно знакомы (реальные «вещи», свойства, отношения и логические формы). Такой язык «прямо достает до реальности» и способен выполнить роль универсальной модели знания. С языком связано несколько проблем: выражения, что принадлежат психологии; отношения мысли, слов к тому, что они обозначают, что относится к эпистемологии; как употреблять предложения, чтобы выражать истину в специальных науках; «в каком отношении один факт должен стоять к другому, чтобы он мог быть символом другого факта», что касается логики. Витгенштейн рассматривает условия *точного* символизма. В этой сфере перед логикой две проблемы: «условия, необходимые для того, чтобы комбинации символов содержали смысл, а не бессмыслицу»; «условия единственности значения <...> в символах или их комбинациях» [3, с. 12]. Иными словами, Витгенштейн «исследует условия, необходимые для логически совершенного языка». «Большинство вопросов и предложений философов вытекает из того, что мы не знаем логики нашего языка» [4, 4.003]. Ну и далее — «философия не теория, а деятельность». Неточный язык приводит к философским ошибкам [3, с. 21]. В итоге человек, «знакомый с трудностями логики и обманчивостью теорий, кажущихся непроверяемыми», не уверен в правоте теории. При этом не стоит пренебрегать разговорами о достоинстве теории логики.

Для подобной концепции идеального языка важна ложная в философском отношении доктрина о тождестве логической формы знака и обозначаемого, где логическая форма понимается не как обозначение некоего *реального* отношения, существующего наряду с вещами, а как способ деления факта [8, с. 65]. С идеалом логически совершенного языка связан тезис о логике не как теории, «сказанном», а как «показанном», наглядно воплощенном в символике языка. Он хотел, чтобы логика стала лишь процедурой, деятельностью. Если у Фреге этот язык отвечал четким требованиям логики, то у Витгенштейна — в сведении логики к языку. И этот язык может свидетельствовать лишь о фактах, о себе же он наглядно «показывает» принципы своей работы. Логика в этом случае не теория, она — огромное зеркало, в котором отражается мир. Ранее Рассел и Уайтхед изобрели язык не только как идеальный логический каркас всякого знания, но и как гносеологический Абсолют, «зеркало», репрезентацию мира. Другими словами, теория идеального языка выступила как своеобразная языковая версия идеалистически-метафизического варианта концепции отражения. Однако традиция поиска или построения совершенного языка, единая сущность которого проявлялась бы в познании, заключалась в коммуникации, в структуре и процессах фиксации смысла, в понимании и интерпретации и, пожалуй, самом главном — адекватности его миру. Современные разработки в этой сфере принадлежат Дж. С. Остину, Дж. Сёрлу, П. Ф. Стросону, Ж. Деррида, Ж. Лакану, Ф. Гваттари, К. О. Апелью, Н. Хомскому, Л. Блумфилду, У. Эко, М. А. Кронгаузу, Г. В. Вдовиной, Н. Д. Арутюновой, Е. Д. Смирновой, В. А. Суровцеву и др. На базе традиционной философской аналитики языка строятся классическая парадигма философии языка и теоретическая лингвистика, равно основанные на презумпции истолкования языка как внеположенной объективной реальности, открытой для когнитивного проникновения в рамках субъект-объектной процедуры.

Подлинно научное решение философских проблем не в грамматическом характере и способах решения философских вопросов, растворении всей философской проблематики в процедурах анализа языка, каким бы совершенным он ни был. Сам Витгенштейн, рассматривая различные сферы философских проблем, пытается сказать, что философские затруднения связаны с подходом к ним как научным. А философские проблемы возникают из форм нашего языка. Концепция Витгенштейна — наряду с концептуальным «реализмом здравого смысла» Дж. Э. Мура — выступила основанием оформления для неклассической традиции философии лингвистического анализа (философии обыденного языка), превратив её в лингвистическую философию.

Конечно, основное назначение философии заключено в распутывании затруднений, узлов, возникающих в нашем мышлении вследствие языковых ловушек. В философских предложениях его составным частям не придан смысл. Задача лингвистического анализа — прояснить смысл слов и предложений [3, 4.112], что не ведет к исчезновению философских проблем. Чтобы их не множить, стоит вернуть слова от их «метафизического» употребления к повседневному. Осмысленное употребление языка должно учитывать контекст употребления слов и выражений. Новая аналитическая философия должна заниматься деятельностью по прояснению языка, бесконечного

многообразия употребления языка. А центральной философской проблемой становится переосмысление природы, целей, методов и возможностей самой философии, её предмета. Поставил эту проблему Рассел, развил Витгенштейн. М. С. Козлова пишет:

«С точки зрения объективных гносеологических причин критика в адрес “метафизики” со стороны позитивистов-аналитиков была попыткой фиксировать и оценить изменившееся соотношение философии и специального знания, прогрессирующее обособление конкретных наук от философии, бесплодность спекулятивного философствования старого типа в новых условиях развития знания». [8, с. 241].

«Трактат» вызвал среди советских авторов целый ряд оценок. А. Ф. Грязнов отметил скрытые тенденции «антилогицизма. Витгенштейн разрабатывает построение «картины мира», направленной на мир, и выявление границ познания и мышления. Так появился афоризм: «Тот факт, что мир есть мой мир, проявляется в том, что границы языка (единственного языка, который понимаю я) означают границы моего мира» [3, 5.62]. В логико-атомистической концепции постулируется, что не только язык (знание), но и мир в основе своей раздроблены на части и находятся по отношению друг к другу во взаимно-однозначном соответствии. Критика языка Витгенштейном в форме логических построений, как у Фреге, и логического атомизма, как у Рассела, породила неоднозначность восприятия. Представители Венского кружка истолковали его в позитивистском духе. Некоторые афоризмы «Трактата» поняли как реалистические. Отмечая функциональную сторону языка и подчеркивая, что мышление не таинственная сущность, а особый тип деятельности со знаками, представители лингвистической философии, выделяя функциональность языковых (мысленных) форм, теряют из объяснения их познавательное значение. Решением функционального подхода к языку была мысль, что сложные языковые символы (предложения) — это целостные структурно-функциональные системы, в которых каждый из компонентов выполняет особую функцию.

Перевод «Истории западной философии» (1959) Рассела углубляет понимание аналитической философии, переход от логики и математики к философии. Подтверждается дуализм философии Рассела (близкий неореализму) в его «Проблемах философии», которая вышла синхронно с «Программой и первой платформой» неореалистов. Рассел утверждал, что реальность разделяется на несколько уровней: мир «существующих вещей» и то, что находится в основе «существования», — универсалии. Мир «неизменно строгий, точный», мир логики и математики. Каждый из миров имел равное право на наше внимание, при этом «чувственные данные» являются «самыми несомненными известными нам реальными объектами». Отметим, что теория чувственных данных, будучи ориентированной на обоснование единства научного знания, в равной степени удалена как от веяний релятивизма, так и от крайностей редукционистских подходов. С определенными оговорками можно утверждать, что теория чувственных данных является исторически первой целостной концепцией чувственного восприятия, созданной в рамках аналитической философии. Актуальность их исследования тесно связана с психофизической проблемой

(mind-body problem). Стоит отметить, что в ряде философских концепций наличие чувственных данных признается необходимым симптомом сознания, а в содержательном плане чувственные данные отождествляются с сущностной базой сознания, не поддающейся глубокому теоретическому истолкованию.

Рефлексия по аналитической философии в 1960-е гг. проводится особенно активно. В работе А. С. Богомолова «Английская буржуазная философия XX века» (1973) [2] дается обстоятельная характеристика логическому анализу, в которой принцип верификации объявляется не только ненаучным, но и внутренне противоречивым, поскольку «упрощает и обедняет процесс познания и тем самым ведет к ложным выводам». То же самое относится и к общей семантике.

И. С. Нарский в работе «Современный позитивизм. Критический очерк» (1961) меняет подход к аналитической философии: теперь детально комментируются логико-эпистемологические проблемы, вопросы анализа. Им четко формулируется понимание неопозитивистами предмета философии как логического анализа языка, что и ведет к тесному сплетению философских и логических проблем, к стремлению неопозитивистов стереть границы между философским и логическим анализом [11, с. 52]. Раскрываются роль позитивизма в роли «упразднителя» философии, несостоятельность позитивистского решения вопроса о соотношении философии и формальной логики (логика не имеет никакого отношения к внешнему миру, поскольку «познание логических форм есть нечто совершенно отличное от познания существующих вещей»). Философия, как логический анализ, способна уточнять научные понятия, исследовать связи и отношения между категориями наук и процесса познания. Но неопозитивизм не решает эти проблемы, а конструирует различные способы упорядочения терминологического аппарата наук [11, с. 58]. В работе разбирается проблема реальности в логическом позитивизме, критерии истины, принцип верификации, истинность и проверяемость предложений, бесплодные поиски объективности неопозитивистами и концепция «физикализма».

Игорь Сергеевич дает краткие и ёмкие характеристики становления аналитической философии в её различных вариантах. Им верно подмечено, что логическая проблематика, как бы её ни «разворачивали» в сторону гносеологии, не в состоянии заменить собой всего комплекса теоретико-познавательных проблем. Мало того, собственно логические проблемы не могут быть позитивно разрешены без обращения к определенным общефилософским гносеологическим предпосылкам. Та же «проблема критерия истины в целом не формально-логическая, а философская проблема» [11, с. 12]. Вопросы сведения философии к методу или теории познания почти одновременно прокламировали эмпириокритики, неокантианцы, а также В. Вундт, Э. Кассирер и др. Логический анализ от Витгенштейна до Карнапа, «превращая философию в логический анализ <...> по-своему откликнулся на то бесспорное обстоятельство, что философия обязана способствовать уточнению научных понятий, изучать связи и отношения между категориями наук, не говоря уже об исследовании категорий процесса познания» [11, с. 58]. Согласно учению неопозитивизма о природе и структуре реальности, реальность (опыт) нейтральна в гносеологическом и дискретна (атомарна) в структурном отношении. Оба эти признака

проявляются якобы в природе элементов реальности, т. е. «фактов». Последние не только события, восприятия, но и суждения. Так стирается граница между логическими объектами и различными видами объектов действительности, граница между сознанием и бытием [11, с. 118–122]. Сама методология изучения процесса познания выражена словами Рассела: «Всякая теория познания должна начинаться с того, “что лично я знаю?”, а не с того, “что человечество знает”» [14, с. 158].

В итоге неопозитивисты 50–70-х гг. забыли девизы «Венского кружка», все чаще объявляют аналитическую философию только методом, приложимым к чисто логическим проблемам. Так старый вопрос о соотношении чувственного и рационального в познании они превратили в вопрос о соотношении синтетических и аналитических предложений в логике и занялись уточнением понятий существующих философских учений. Они замалчивают крах надежд позитивизма на создание «независимого» знания [11, с. 412].

Среди исследователей аналитической философии этого периода можно отметить труды А. С. Богомолова, А. И. Корнеевой, Г. А. Заиченко, М. С. Козловой, А. Ф. Бегишвили, М. А. Киссея и др. В 1970–1980-е гг. логика, эпистемология, история философии и политическая теория этого направления получили всестороннее освещение в литературе. Издается важная работа М. С. Козловой «Философия и язык» (1972) [8]. Среди исследователей аналитической философии, начиная с 1990-х гг. по настоящее время, можно отметить А. Ф. Грязнова, А. С. Колесникова, В. А. Суровцева, В. А. Ладова, В. В. Целищева, М. С. Розанову, С. В. Никоненко и др. Несмотря на идеологическую ангажированность, отечественные авторы в 1960–1990-х гг. не только «открыли» этих мыслителей российскому читателю, но показали важные аспекты и противоречия в их многообразном творчестве. «Мы имеем сейчас возможность понимать Витгенштейна шире, чем в формально-логическом ключе, в каком “Трактат” воспринимался через Рассела и Мура» (В. В. Бибахин). У нас есть такая рефлексия «Трактата», которая похожа на комментарии к Даодэдзину. Вадим Руднев прочитал несколько афоризмов Витгенштейна с параллельным философско-семиотическим комментарием. Особо стоит отметить акцент многих исследований на описании феномена языковых игр как составной части семиотической сетевой структуры общества и в осознании языковой стратегии развития философского знания. Понятие «языковых игр» Л. Витгенштейна становится важнейшей категориальной структурой в области речевой прагматики и социокультурной артикуляции человеческого бытия. Языковая игра, объединяющая игровую стихию и онтологический статус языка, является приоритетным началом становления социального как лингвистического. Формирование понятия «языковой игры» раскрывает сложный путь утверждения в обществе норм и правил социальной лингвокультуры, генезис языковых игр демонстрирует базовые интенции философского знания, рассматриваемые посредством функционально-игровой модели языка.

На стадии семантического идеализма аналитики стремились избежать формализма логического синтаксиса и посчитали, что элементы предложений следует рассматривать в связи с их содержанием. Поскольку у неопозитивистов система взаимосвязей знаков в структуре науки определяется конвенцией уче-

ных, то значения могут быть произвольными, хотя в рамках данной системы они должны быть строго определены. «Невозможно подменять причинные связи связями формальнологическими. Нельзя положить в основу науки ограниченный класс первичных ощущений, впечатлений, переживаний субъекта или предложений его языка» [16, с. 199].

В работе Ю. А. Асеева «Философия современного позитивизма» (1961) [1, с. 13–35]. определяются этапы неопозитивизма: логический атомизм, логический позитивизм «Венского кружка», семантический идеализм. Выделяется «основное ядро» философии неопозитивизма — «аналитическое понимание предмета философии». Фиксируется, что неопозитивизм понимает под философией «аналитическую деятельность, ставящую своей целью прояснение смысла тех или иных предложений современной науки и повседневного опыта» [1, с. 13, 14]. Логический анализ смысла научных положений — необходимый элемент познания. Однако аналитики сравнивают свое понимание предмета философии с «традиционным», что философия есть наука о наиболее общих закономерностях развития объективной действительности, система взглядов на мир в целом. Так отождествление предмета философии с логическим анализом языка науки вело к исключению из области философского знания всей исконно философской проблематики, как псевдопроблемы, включая социально-политические и философско-исторические теории. Логический анализ предложений должен прояснить смысл предложений конкретных наук, выполнить конструктивную работу, но и разрушить «традиционную» философию как общую теорию объективной действительности. К. Поппер утверждает, что чувственная данность не может служить гарантом истинности опытных высказываний. Он приходит к выводу о несостоятельности дескриптивизма и инструменталистской трактовки природы теоретического знания, стремясь реабилитировать объяснительную функцию науки, как и метафизики, и её роли в научном познании. Правда, Попперу не удалось разрешить проблемы, как и логическому позитивизму.

Семантическую проблему аналитики решают в духе субъективного идеализма. Под значением и смыслом слов и предложений они понимают совокупность фактов личного опыта, совокупность ощущений (Шлик). Впервые такую постановку вопроса о значении слов и предложений наметил в «теории описаний» Б. Рассел, который раскрыл взаимозаменяемость «описаний» и «имен», возможность отождествления логических функций «имен» и «описаний» в нашей речи. «Имя», не указывающее на объект, теряет логические качества «имени» чего-то. Если в «описаниях» существует такая же связь слова и действительности, то мы столкнемся с рядом логических противоречий. Так «описания» с «пустыми классами», т. е. не относящихся к реальным предметам действительности («золотая гора» и т. д.), становятся бессмысленными при обозначении их существования. Рассел вводит критерий разграничения «имен» и «отношений»: только «имена предполагают существование объектов, ими обозначенных». При логическом анализе «описаний» с реальными объемами возникают парадоксы, уверяющие в том, что значением «описаний» вообще не бывают предметы или объекты окружающей нас реальности. Итак, в отличие от «имен» *все* «описания» не обладают прямым указательным значением,

не соотносены прямо с действительностью [1, с. 18–19]. «Описания» обозначают признаки и свойства предметов в их абстракции от самих предметов. Они не встречаются в отрыве от предметов, ибо «описание» является «неполным символом» — ему не хватает указания «имени» того объекта, к которому оно относится.

«Теория описаний» объявляется Ю. А. Асеевым «одним из главных идейных источников неопозитивизма» [1, с. 20]. Вывод ее прост: значительная группа слов в языке (кроме имен собственных) не связаны по своему значению непосредственно с реальностью. Здесь и намечается субъективно-идеалистическое решение семантической проблемы. Сама «теория описаний» имеет логический изъян — *метафизическое противопоставление* «имени» и «описания». Если не бывает признаков предмета, существующих независимо от предметов, то не бывает и предмета без признаков. Рассел дифференцировал «определенные описания» и «собственные имена», посчитав, что при разной логико-семантической природе, они по-разному обозначают объект. «Имена» и «описания» взаимно дополняют друг друга. Предложение будет понято, если оно состоит из «имен» тех объектов, которые даны нам в непосредственном, чувственном опыте. Но его Рассел понимает как совокупность переживаний. Решить эту проблему может только идеальный язык, составленный из «имен». Поскольку «имя» имеет в качестве своего значения не предмет объективного мира, а ощущение познающего субъекта, то «теория описаний» смыкается с субъективным идеализмом. Так она дала удобный логический аппарат перевода в более ясную форму предложений с неутонченным содержанием. Можно прояснить высказывания об эмпирически не обнаруживаемых объектах («автор Веверлея»), предложений, содержащих понятия пустого класса («кентавр»), утверждения о существовании или несуществовании предметов и др.

Заметим, что автор пытается показать положительные стороны позитивизма для осознания подлинной природы познания. Возможность кодирования познавательного содержания науки в искусственных формализованных системах и связанная с этим вероятность автоматизации ряда мысленных процессов опирается на гносеологические функции знаков: их способность укорачивать мыслительные операции, материально закреплять, воспроизводить познание, оставаясь в то же время относительно самостоятельными по отношению к нему. Формализация выступает не только как структурная перестройка логики теории, но и как преобразование языка науки через упрощение, оптимизацию, прояснение сложных связей и т. д. в направлении его предельной ёмкости, оперативности, как обособленные синтаксические значения знаков от семантического значения. Без совершенствования средства мышления — языка, создания новых терминов, новых языковых структур и т. п. — невозможен прогресс человеческого познания и мышления.

Итак, отечественная философская литература вначале опиралась на упрощенное понимание аналитической философии (логического эмпиризма, неопозитивизма) и его идейных истоков. В. С. Швырев так и писал: «Специфика логического позитивизма Венского кружка состоит в соединении позитивистской философии с методом формально-логического анализа знания» [17, с. 9]. На самом деле она сложнее. Так, благодаря настойчивым просьбам Шлика летом

1927 г. Витгенштейн встречался с членами кружка (Вайсман, Фейгль, Карнап), но в результате стало ясно, что его установки во многом противоположны их положениям. Все отношения завершились обвинениями Витгенштейна в плагиате Шлика и Карнапа после публикации Р. Карнапом статьи «Физикалистский язык как универсальный язык науки» (1932).

Э. Геллнер объяснил, «почему должны были воскреснуть атомистические теории». Ибо через восстановление реалистического мировоззрения и эмпиризма «логический атомизм был стимулирован определенными успехами в логике» и новой точкой зрения на статус логики и математики [4, с. 98]. Трудности логического атомизма в ошибочных аналогиях, нахождение и опознание атомов, вместо соответствия элементарным атомам языка мира они имели метафизический вид, независимость атомарных предложений друг от друга. И, наконец, где в схеме логического атомизма можно найти уголок для человеческого мира ценностей, для этики, эстетики, религии и т. д. [4, с. 104, 106–110]. Естественно предположить, что эти оценки были восприняты и отечественными авторами.

Издание «Истории философии» (1965) со статьей И. С. Нарского о позитивизме [7, с. 82–123], было призвано окончательно определить отношение к позитивистской тенденции «фетишизации духовной деятельности», ибо «чувственные данные», «факты», «протокольные предложения» выступали в этой философии фетишами. Математическая логика была охарактеризована как наука, изучающая «нейтральные» отношения. Поэтому открытые в логике и математике противоречия разрешаются путем изменения правил и набора исходных определений формального «языка», ибо противоречия в развитии наук имеют языковую природу.

«Лингвистические позитивисты усматривают философскую проблематику в любой неясности значений выражений языка. <...> Ради достижения “ясности” аналитики-лингвисты предлагают философам уклоняться не только от объяснения мира, <...> но и от выяснения действительного философского содержания повседневногo языка» [7, с. 102].

Позитивное усвоение ряда когнитивных проблем, разработанных аналитической философией, было осознано после перевода работы Т. И. Хилла «Современные теории познания» (1965). Как своеобразная галерея гносеологических проб и ошибок, она оказала пользу тем, кто работал над развитием и совершенствованием подлинно научной **теории познания**. В книге описаны, сравнены и оценены важные течения западной гносеологической мысли XX в., дабы помочь учёным разобраться в теории познания и вопросах, поставленных современными философами. Аналитическая философия передана реализмом Мура, Рассела, теориями Александера, Бруда. Дается справка о возникновении и главных направлениях аналитической мысли и теориях Шлика, Карнапа, Айера; физикалистском и прагматическом анализе, анализе обыденного языка.

Хилл привлекает внимание к полемике этих философов против инакомыслящих и их аргументов. И несостоятельные теории он считает ценными, полезными в развитии философии. Нет концепций ложных, вредных для прогресса научной мысли, мешающих развитию философии, а есть концепции несовершенные, относительно истинные, с которыми не во всем можно

согласиться. Так, лингвистические аналитики, ограничив себя языком, «лишили себя возможности вплотную заняться решением основных теоретико-познавательных проблем». При этом Хилл полностью игнорирует марксизм. Как будто такой современной теории познания не существует ни вообще, ни в англо-американских странах.

Г. И. Заиченко отмечает, что в современном позитивизме «сочетание резко усилившейся дробности, плюрализации философских школ и школок» ведет к попыткам «синкретически объединить разнородные элементы однотипных и разных школ в некоторую видимость целостных, «интегративных учений» [6, с. 5]. Гносеологический источник плюрализма во многом определяется развитием самой философской проблематики, усложнением и дифференциацией философской теории. Однако философия — «мир как комбинация ощущений» — не может быть определена ни как скептическая, ни как агностическая. Если все богатство мира определяется ощущениями субъекта, там нет гипертрофии сомнений в познавательных способностях человека [6, с. 14–17]. Логический атомизм выдвинул ряд важных общеметодологических положений о природе человеческого знания, среди них — тезис о логико-языковой детерминации содержания человеческого знания, в том числе и философского знания (6, с. 29). Заслуга Рассела состояла в том, что он поставил вопрос об особенности корреляции языка и логики в обыденном и научном знании и подчеркнул необходимость исследования влияния логико-языкового аспекта знаний на выражение определенной онтологической картины мира. Так что различие языков может означать категориальные различия, а использование логического языка с субъектными и предикатными знаками представляет возможность выражать структурно-онтологическое членение мира на субстанцию и атрибуты. Акцент на своеобразной специфике языка математической логики не самоцель, а лишь способ подчеркнуть возможности новых категориальных различий, которые могут быть выражены средствами этого языка.

Итак, неопозитивистская доктрина утратила свою прежнюю определенность и прекратилась в метод, используемый многими другими направлениями в современной философии. Однако оказались важны поставленные ею проблемы логики науки и познания, философских функций языка и его огромной роли в познании и человеческой практике, философской функции знаков. Логико-гносеологическое направление аналитической философии стало основой взвешенных оценок всего вклада мыслителей в многообразные области философского знания. Обнаруженные к началу 50-х гг. внутренние противоречия логического позитивизма, как и несовместимость с реальной практикой научного исследования, были раскрыты отечественными философами — В. С. Швыревым, А. Л. Никифоровым, А. Ф. Грязновым, А. С. Богомоловым, М. В. Мостепаненко и др. Были работы по логико-семантическому анализу структур знания, логико-семантической концепции гибридных языков, референции и критериев метафоричности.

В. А. Лекторский отмечает, что

«для понимания сущности позитивистской философии недостаточно просто выделить те черты, которые общи различным её формам, необходимо вскрыть

внутренние тенденции развития позитивизма, выяснить причины его возникновения и движущие причины его эволюции» [9, с. 107].

«Проблема связи абстрактных понятий теории с эмпирическими данными встает всякий раз, когда в науке происходит ломка основных категорий, когда возникает потребность возвратиться к вопросу о том, насколько обоснованы данные в опытных данных выводимые наукой логические построения» [9, с. 115].

Доктрина анализа научного знания позитивизмом обнаружила свое несоответствие реальной научной практике. В итоге аналитические философы признали, что концепция, претендовавшая на точность, строгость и доказательность утверждений, на превращение философии в вид специализированной деятельности, сама является несостоятельным вариантом «метафизики». Лингвистические аналитики рассматривают язык как социальный институт и «форму жизни», а значение как тот или иной способ употребления слова в определенном контексте. Они считают, что философские проблемы возникают в результате непонимания логики естественного языка и нарушения правил словоупотребления. Решение проблем возлагается на анализ этого языка, что ведет к элиминации философских проблем. Философия становится описательной дисциплиной.

Накопленного знания о развитии аналитической философии было уже достаточно для осознания того, что мыслители этого направления многое сделали для выяснения сути теоретико-познавательного процесса и роли в нем логики, математики и языка. Постпозитивизм разделился на научный реализм, прагматический анализ, феноменалистический анализ, научный материализм и ряд других школ, о чём пишет С. В. Никоненко [12]. Тематически многие проблемы, рассматриваемые в рамках аналитической философии, имели самостоятельную и по-своему оригинальную традицию изучения в отечественном дискурсе: проблемы определения знания; ряд вопросов, связанных с методологией науки, философские аспекты эволюции, сознания, информации и др. Проблема в том, что наличие собственных наработок редко вело к синтезу сходных по предмету концепций, обогащению теоретического аппарата и их дальнейшему развитию с выходом на международную аудиторию. Слишком различными оказываются исходные мировоззренческие посылки и представления о приемлемых формах аргументации. Понятно, почему на рубеже XX–XXI вв. интерес российских исследователей был обращен к феноменологии, герменевтике, фундаментальной онтологии, русской религиозной философии, различным версиям постмодернизма и т. п. Однако общемировые тенденции свидетельствуют о том, что аналитическая философия занимает определенное место, например, в философии сознания, хотя есть немало данных, фиксирующих её вхождение в континентальную философию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асеев Ю. А. Философия современного позитивизма // Асеев Ю. А., Кон И. С. Основные направления буржуазной философии и социологии XX века. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та. 1961. С. 13–35.

2. Богомолов А. С. Английская буржуазная философия XX века. М.: Мысль, 1973. 317 с.
3. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: ИЛ, 1958. 133 с.
4. Геллнер Э. Слова и вещи. М.: ИЛ, 1962. 344 с.
5. Гетманова А. Д. О взглядах Бертрана Рассела на соотношение математики и логики // Вестник МГУ. 1959. № 11. С. 103–123.
6. Заиченко Г. И. К вопросу о критике современного английского позитивизма. Харьков: Изд-во ХГУ, 1971. 172.
7. История философии. Т. VI, кн. 2. М.: Наука, 1965. С. 82–123.
8. Козлова М. С. Философия и язык. М.: Мысль, 1972. 254 с.
9. Лекторский В. А. От позитивизма к неопозитивизму // Буржуазная философия XX века. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1974. С. 107–135.
10. Л. Витгенштейн: pro et contra: Антология / Сост., вступ. статья, примеч., научн. ред. С. В. Никоненко. СПб.: РХГА, 2019. 1055 с.
11. Нарский И. С. Современный позитивизм. Критический очерк М.: Изд-во АН СССР, 1961. 424 с.
12. Никоненко С. В. Аналитическая философия: основные концепции. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 546 с.
13. Рассел Б. Проблемы философии. СПб.: изд-во П. П. Сойкина, 1914. 118 с.
14. Рассел Б. Человеческое познание. Его сферы и границы. М.: ИЛ, 1957. 464 с.
15. Резников Л. О. Гносеологические вопросы семиотики. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1964. 304 с.
16. Современный субъективный идеализм: Критические очерки. М.: Госполитиздат, 1957. 326.
17. Швырев В. С. Неопозитивизм и проблемы эмпирического обоснования науки. М.: Высшая школа, 1966. 214 с.

REFERENCES

1. Aseev Yu. A. (1961) *Filosofiya sovremennogo pozitivizma* [Philosophy of modern positivism]. // Aseev Yu. A. and Kon I. S. The basic directions of bourgeois philosophy and sociology XX of a century. L.: Publishing house Leningrad University. S. 13–35. (In Russian).
2. Bogomolov A. S. (1973) *Anglijskaja burguaznaja filosofija XX veka* [English bourgeois philosophy of a XX century]. Moscow: Mysl' Publ. 317 s. (In Russian).
3. Wittgenstein L. (1958) *Logiko-filosofskij taktat* [Logic-philosophical treatise]. Moscow: Inostrannaja Literatura Publ. (In Russian).
4. Gellner E. S. (1962) *Slova y veschi* [Words and things]. Moscow: Inostrannaja Literatura Publ. 344 s. (In Russian).
5. Getmanova A. D. (1959) *O vzglyadah Bertrana Rassela na sootnoshenie matematiki i logiki* [About Bertrand Russell's sights at a parity of mathematics and logic]. In: The Vestnik Moscovskogo universiteta. No 11. S. 103–123. (In Russian).
6. Zaichenko G. I. (1971) *K voprosu o kritike sovremennogo anglijskogo pozitivizma* [To a question on the critic of modern English positivism]. Harkiv: Publishing house KHGU. 172 s. (In Russian).
7. *Istorija filosofii*, T. 6, kn. 2 [History of philosophy. Vol. VI, part 2]. Moscow: Nauka Publ. 1965. S. 82–123. (In Russian).
8. Kozlova M. S. (1972) *Filosofija i jazyk* [Philosophy and language]. Moscow: Mysl' Publ. 254 s. (In Russian).

9. Lektorskiy V. A. (1974) *Ot pozitivisma k neopositivizmu* [From positivism to neopositivism]. In: Bourgeois philosophy of a XX century. Moscow: Publishing house it is watered Literature. S. 107–135. (In Russian).

10. L. Wittgenstein: *pro et contra: antologija. Sost., vstupit. stat'ja, primech., nauchn. red S. V. Nikonenko* (2019) In: [L. Wittgenstein: pro et contra, the anthology. Comp., inrod., science head S. V. Nikonenko]. St. Petersburg: RHGA. 1055 s. (In Russian).

11. Narskij I. S. (1961) *Sovremennij pozitivism. Kriticheskij ocherk* [Modern positivism. A critical sketch]. Moscow: Publishing house AN USSR. 424 s. (In Russian).

12. Nikonenko S. V. (2007) *Analiticheskaja filosofija: Osnovnie koncepcii* [Analytical philosophy: the basic concepts]. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State University. 546 s. (In Russian).

13. Russell B. (1914) *Problemy filosofii* [Problems of philosophy]. St. Petersburg: Publishing house P. P. Sojkina. 118 s. (In Russian).

14. Russell B. (1957) *Chelovecheskoe posnanie. Ego sfery i granichy* [Human knowledge. Its spheres and borders]. Moscow: Inostrannaja Literatura Publ. 464 s. (In Russian).

15. Reznikov L. O. (1964) *Gnoseologicheskie voprosy semiotiki* [Gnoseologic questions of semiotics]. Leningrad: Publishing house of the Leningrad university. 304 s. (In Russian).

16. *Sovremennij subektivnyj idealism. Kriticheskie ocherki.* (1957) [Modern subjective idealism. Critic outlines]. Moscow: Gospolitizdat Publ. 326 p. (In Russian)

17. Shvyrev V. S. (1966) *Neopositivism i problemy empiricheskogo obosnovanija nauki* [Neopositivism and problems of an empirical substantiation of a science]. Moscow: Higher school Publ. 214 s. (In Russian).